

покоряться тѣни; моимъ страстямъ я отпущу бразды, я все попру ногами и жизни отомщу“. Онъ хочетъ, чтобъ воображеніе опять унесло его на крыльяхъ, наполнило душу минутной вѣрой: „я непритворно въ роль войду и до развязки самъ себѣ не вѣрю“. Сатана видитъ гибель Донъ-Жуана въ томъ, что: „не понялъ онъ любви святого назначенья, которая-бъ теперь спасти его могла“. Сатана вызываетъ душу земли, которая должна повиноваться Донъ-Жуану во всемъ; земныя радости и безпредѣльная власть должны окончательно погубить его. Но въ концѣ опять слышится пѣснь духовъ: „Оставь того, кто вѣруетъ и любитъ! Любовь есть сердца покаянье, любовь есть вѣры ключъ живой, его спасетъ любви сознанье“. Донъ-Жуанъ сознается, что „вмѣстѣ съ ложью то, что было чисто и правдиво, въ безуміи ногами я попралъ“. — „Законъ вселенной—равновѣсье. Возмездіемъ лишь держится оно“. Онъ уходитъ въ монастырь, гдѣ приноситъ покаяніе и умираетъ.

Очевидно, что А. Толстой пользовался не первоначальнымъ видомъ преданія о „Донъ-Жуанѣ Теноріо“, а позднѣйшимъ видоизмѣненіемъ его, по которому „Донъ-Жуанъ де-Маранья“ кается и умираетъ въ монастырѣ. О Теноріо севильскія хроники гласятъ, что онъ погибъ отъ мести враговъ, а по народному повѣрью его низвергаетъ въ адъ статуя командора. Преданіе о Донъ-Жуанѣ де-Маранья, до извѣстной степени, допускаетъ сляніе его съ Фаустомъ, по крайней мѣрѣ введеніе нѣкоторыхъ мотивовъ.

Характеръ страстной безпредѣльности одинаково присущъ обоимъ типамъ въ трагедіи „Донъ-Жуанъ и Фаустъ“, написанной нѣсколько лѣтъ до появленія „Фауста“ Ленау современнымъ молодымъ поэтомъ, Граббе. Авторъ связалъ своихъ героевъ любовью къ той же женщинѣ, что дало ему поводъ сопоставить эти типы, хотя онъ часто и смѣшиваетъ ихъ. Сходство заключается въ безмѣрности желаній одного и другого: въ Фаустѣ—безмѣрная жажда знанія; въ Донъ-Жуанѣ—безмѣрная жажда наслажденій; въ первомъ поэтъ хотѣлъ показать дерзновенность пытливаго ума; во второмъ—дерзновенность не признающаго законовъ сластолюбца. Такъ, Граббе въ двухъ лицахъ представляетъ то, что Фаустъ Гёте старается соединить въ себѣ, не ради высшихъ цѣлей, а именно, чтобъ постигнуть всю полноту существованія, приобщиться богатой жизни человѣчества. У Граббе, какъ и у Ленау, Фаустъ становится и Донъ-Жуаномъ; но между тѣмъ какъ Фаустъ Гёте и въ увлеченіи остается идеалистомъ, у другихъ чистота символа искажается господствомъ страсти. Герои